

УДК 316.624
ББК 60.542.15
М 69

А.П. Михайлов, И.Г. Гаврилова

Социокультурная специфика процесса социализации несовершеннолетних с признаками девиантного поведения

Аннотация:

В статье исследуется социокультурная специфика процесса интернализации индивидом символического универсума, генерируемого конкретным обществом. Данный процесс рассматривается авторами в контексте динамично развивающихся в современной России девиантных и делинквентных практик, нарастания в молодежной среде нигилистического отношения к нормам права и морали.

Ключевые слова:

Девиантность, социализация, интернализация, ресоциализация, социокультурная динамика.

Рассмотрение проблемы девиантности несовершеннолетних в первом приближении предполагает обращение к причинам выделения этих практик из общего потока криминальных актов. Среди этих причин первое место занимает специфика возрастного периода малолетних правонарушителей и особый статус несовершеннолетних (период детства) в современном обществе. Детство – период насыщенной социализации, который опекаем огромным количеством различных институциональных агентов. Не случайно, поэтому распространен оптимизм относительно мощности социализирующей машины индустриальной цивилизации, которая даже при значительном числе несовершеннолетних правонарушителей, позволяет питать надежды на их ресоциализацию. Однако социокультурная динамика общества, его переход в новую, постиндустриальную стадию своего функционирования, которая переопределяет претензии к различным возрастным периодам жизни индивида, изменяет и потенциал агентов социализации. Изменение статуса детства в культуре общества выступает тем социальным фоном, который влияет на динамику детско-юношеской девиантности.

Современное общество наделяет период детства особым статусом: детство и юность – это периоды поиска себя, вхождения в культуру. В этот период индивид больше потребляет, чем производит (отдает). Иначе говоря, статус ребенка дает ему основание на осуществление изначально неэквивалентного обмена ресурсами со всем остальным обществом. Особый интерес представляет откровенно неэквивалентный обмен в сфере потребления ребенком социального знания. Собственно говоря, этот процесс и называется социализацией. Она представляет собой интернализацию индивидом символического универсума, генерируемого конкретным обществом. В этом универсуме, легитимирующем институциональный порядок социума, выделяются когнитивный, ценностно-нормативный и эмоциональный аспекты – «знание», «ценности/нормы», «переживание» того и другого. В процессе усвоения когнитивного аспекта индивид узнает «что есть что», и «кто есть кто» в окружающей его действительности. Одновременно он получает информацию, как должно относиться к данным явлениям реальности – как правило, с более-менее явно выраженным аксеологи-

ческим обоснованием конкретной нормы. Когда знание фактов и норм «реальной жизни», как ее понимает социализирующая индивида группа, начинает сопровождаться спонтанным проявлением типичных для данной группы *тематических эмоций*, мы можем говорить об успешно идущем процессе социализации¹.

Процесс социализации включает целый ряд важных элементов: целенаправленное научение культуре, формирование механизма трансляции целостности культурного образца и культурной нормы (образования), разработка комплексного отношения общества к миру детства и к детям. Последний компонент крайне важен для функционирования культуры в целом. Дети могут рассматриваться как маленькие взрослые или как мир самостоятельный по отношению к взрослому обществу – от ответа на этот вопрос зависит не только способ трансляции культурного опыта со стороны «общества взрослых», но и нормативная стратегия интеграции подростка в мир взрослых, что определяет стабильность и динамичность общества.

Социологи и историки культуры еще в начале XX в. обратили внимание на то, что в различных обществах разнится роль и значение детства. В частности, американские ученые Д. Гринберг и М. Мид, не сговариваясь, указывали на изменение статуса детства в обществах разного типа. [2; с.100] Предложенная Д. Гринбергом типизация культуры в ее динамике подразделена на три группы: *преиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную*. При этом главные различия основываются на базовых аспектах образа жизни: экономических, технологических и социальных. Отмечая характерологические черты каждого из обозначенных типов культуры, он выделяет определяющие для социализации, детерминирующие качества.

Так, первая из них, культура *преиндустриального типа*, отличается ограниченной коммуникацией, при которой ценности культуры передаются от одного человека к другому исключительно личностным способом, поскольку именно личность является хранителем мудрости. Огромное значение в ней имеет *опыт*. Он включает по-

¹ Данное изложение основывается на работах: Бергер П.Д., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – С.153; Бергер П.Л., Бергер Б. Социология. – С.367-368.

стоянное накопление и сохранение знаний отдельных людей. Поэтому в преиндустриальном обществе всеобщим уважением пользуются *старшие*. Именно их опыт решения проблем служил культурным источником принятия решений и придавал каждой преиндустриальной культуре глубину и скрытую гармонию с окружающей средой.

С самого рождения человек участвует в различной деятельности и, наконец, занимает свое место как сознательный член общества. Это место заведомо определено характером культуры. Не создаются специальных образовательных учреждений для большинства молодых людей. Они, как часть общества, наверстывают энергичностью то, что не получают при помощи знаний.

Этот тип культуры в полной мере сохраняет и воспроизводит целостность взаимоотношений человека и мира, поскольку социализация здесь естественно сочетает обучающий и предметно-практический опыт, рациональную и эмоциональную составляющие.

Для *индустриального* типа культуры основными чертами выступают такие, как существенно возрастающая скорость и объём коммуникации, создающие условия для активного взаимодействия между культурами на умозрительном и межличностном уровнях. Здесь в почете *энергичность и обучение*, заменяющие *опыт* в преиндустриальной культуре.

Придавая большое значение энергичности, индустриальная культура полностью сосредотачивается на молодости, а не на мудрости. Воспитание и образование в индустриальной культуре отличаются наличием жёсткого контроля над доступом молодого человека к ценностям и направляют его интерес на деятельность, необходимую экономике, используя целый арсенал средств, чтобы усилить этот контроль.

Главной формой обучения становится трансляция предметно организованного знания и тренировка навыков. Обучение через исследование и другие самостоятельные виды деятельности сильно сокращено. Само «заключение» детей в школе жестко ограничивает их доступ в окружающую социальную среду.

Человек, по натуре свободная личность, сопротивляется на каждом достигнутом уровне усилиям индустриальной культуры ограничить его деятельность разрешенными рамками. Этот конфликт между человеческой натурой и сущностью индустриального образа жизни создает множество отрицательных психолого-социальных явлений, универсальных для всех индустриальных культур. Как отмечает Гилберт Хигет, [4; с.47] задаваясь вопросом о том, почему преподавателям так трудно преподавать и почему студентам почти всегда трудно учиться, нужно помнить, что сегодня в школах индустриального мира обучение принудительное, что, в свою очередь, и отчуждает человека от процесса обретения знания.

В культурах *постиндустриального типа*, согласно оценкам многих исследователей почти преодолены главные различия между искусством, наукой, технологией, философией и практической мудростью, которые были значимы в индустриальной культуре. Стабильность и целостность культуры обеспечивается с помощью передачи молодому поколению системы ценностей и традиционного взгляда на мир. Этот процесс идет через погружение в

культурную среду. Постиндустриальному обществу нет необходимости для сохранения своей целостности направлять деятельность отдельного человека на predetermined стезю.

Постиндустриальная культура представляет собой совершенно другое общество. Состояние коммуникации и техники перемещения делает все возможные области интереса немедленно доступными для человека. Постиндустриальная экономика освобождает людей от необходимости тратить много энергии на приобретение навыков выживания. В целом же постиндустриальная культура терпелива в предоставлении широкой практики и большого времени молодому человеку для игры.

Достаточно близка к вышеизложенной, точка зрения ещё одного американского исследователя – Маргарет Мид. [3; с.322] Опираясь на характер межпоколенческой трансляции опыта, она предлагает своё понимание типологии культур, также выделяя три типа: *постфигуративный, конфигуративный и префигуративный*.

Постфигуративная культура характеризуется наличием жёсткой системы непосредственной межпоколенческой трансляции, основанной на полной преемственности. Здесь господствует традиция как абсолют, что обеспечивает установление патерналистской модели образования, при которой «прошлое взрослых является будущим каждого нового поколения». Ориентация на «опыт» создаёт не только однонаправленный процесс его передачи, но и полное приятие систем ценностей, норм и правил при полном подчинении авторитету учителя. Приобретаемые человеком знания, умения и навыки остаются основой его существования на всю жизнь. Заметим, что в категориях современной педагогики, доминирующим здесь выступает «деятельностный» способ осуществления образования.

Конфигуративный тип культуры меняет ситуацию трансляции как по направленности, так и по способу. Подростающее поколение, как и старшие, учатся у своих сверстников при сохранении определённого господства старших. Именно они сохраняют право диктовать «правила игры», устанавливают конфигурацию отношений и определяют «границы дозволенного». Признанной и обязательно разделяемой моделью поведения для членов общества выступает модель поведения современников.

В силу развития и дифференциации научного знания, общественного разделения труда и т.п., происходит качественное изменение роли и места образования, которое, институционализируясь, становится профессионально ориентированным. Получение образования означает обретение профессии, т.е. приобщение к конкретному, предметно определённом виду деятельности. Это усиливает рациональное начало в образовании, вытесняя при этом духовное, ориентируя его на производство частичного человека. Вместе с тем растёт и роль личностного начала в организации жизни общества. Создаются условия индивидуализации (с точки зрения влияния на личностное продвижение) образования.

Префигуративная культура, проявляющаяся в середине 20-го века, характеризуется становлением нового типа коммуникационных отношений. Здесь возникает и оформляется во всеобщее явление ситуация межпоколенческого разрыва, при котором образ жизни старшего по-

коления не является определяющим для каждого последующего. «Во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И напротив, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга». [3; с.342]

Очевидно, что этот процесс – по крайней мере, в обществе, знакомом с разделением труда, – включает в себя два в *принципе* неразрывно связанных этапа. В ходе первичной социализации индивид усваивает обязательный социальный минимум, тот объем социального знания, который определяет его как члена конкретного общества. Важным элементом этого знания становится информация о тех отношениях, которые должны будут установиться между индивидом и обществом в дальнейшем, когда в силу возраста ему придется доказывать свое право на потребление социальных ресурсов адресными затратами собственных ресурсов – физических, интеллектуальных, материальных. В то же время конкретная институциональная среда, за деятельность в которой индивид получает свою долю «богатства, власти, престижа», т.е. определенный статус с его правами и обязанностями, *по идее* является результатом произвольного выбора. Итак, процесс усвоения «частичного» социального знания, относящегося не к статусу члена общества, а к статусу носителя функций, возникших в данном обществе в результате процесса разделения труда, представляет собой вторичную социализацию. [1; с.210]

Ясно, что индивид, не прошедший через горнило двуединого социализационного процесса должным образом – каким именно образом, он не раз услышит в процессе социализации от ее агентов, с полным основанием может быть определен как отклонившийся от генеральной оу курса жизненной траектории, то есть как девиант.

Неуспешная социализация осуществляется и в процессе перехода с ее первичного этапа на вторичный. Так, индивид может выбрать себе идентичность, не вписывающуюся в наличную социокультурную ситуацию, идентичность, для которой нет места в существующей социальной структуре. Фантастичность «субъективно избранной идентичности» вполне может приобрести криминальный характер: достаточно вспомнить популярных персонажей сегодняшней киноиндустрии – борцов с пороком и развратом, отправляющих на тот свет погрязшие в грехе жертвы, апеллируя при этом к ценностям традиционной морали.¹ Известен также криминальный потенциал многих маргинальных субкультур современного общества.

Впрочем, попрание закона с удовольствием ли, вынужденно ли, но осуществляется и «нормальными людьми», а не только экзотическими обитателями городских джунглей – в конце концов, именно поэтому многие преступления так и остаются нераскрытыми. Исходя из работы Бергера и Лукмана, феномен вовлечения в той или иной мере в незаконную деятельность в целом добропорядочных граждан может быть объяснен следствием бога-

того выбора альтернативных миров, с которыми может отождествить себя в современном обществе индивид в ходе вторичной социализации: «Общество, в котором расходящиеся миры становятся общедоступны как на рынке, содержит в себе особые сочетания субъективной реальности и идентичности. Растет общее сознание релятивности *всех* миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее, как *один* из миров, а не как *Мир*. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно «разыграть» под манипулятивным контролем». [1; с.217]

Вряд ли стоит упоминать, что «играющие в преступление» молодые (и не только молодые) люди являются более излюбленными героями современной кинематографа, нежели поглощенные кровавой борьбой с вселенским пороком серийные убийцы. Озабоченность этой темой современного сознания, ее актуальность для символического универсума современных обществ подтверждается, на наш взгляд, тем фактом, что эксплуатация деятелями культуры сюжета о «преступниках между делом» сплошь и рядом приводит к появлению подлинных шедевров киноискусства.²

«Максимального успеха социализация достигнет, скорее всего, в обществах с очень простым разделением труда и минимальным распределением знания... В таких ситуациях социализация производит социально предопределенные и в высокой степени профилированные идентичности. Так как каждый индивид сталкивается, по существу, с той же самой институциональной программой для своей жизни в обществе, то на каждого индивида ложится примерно один и тот же вес всей институционального порядка, что придает интернализируемой объективной реальности принудительную массивность... Таким образом, каждый чуть ли не *является* тем, за кого его принимают. В таком обществе идентичности легко узнаются как объективно, так и субъективно». [1; с.264] В ситуации современного уровня социального разделения труда и распределения знания мы сталкиваемся с плюрализмом «как реальностей, так и идентичностей в их соотнесенности со структурной динамикой произведенных индустриализмом образцов социальной стратификации». [1; с.279]

Таким образом, возможно утверждать, что социализация имеет тем больше шансов на успех, чем меньше объем социального знания, предуготовленный для усвоения молодому поколению.

Примечания:

1. Бергер П.Д., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. 1995.
2. Гринберг Д. Новый взгляд на школу. Садбери. 1992.
3. Мид М. Культура и мир детства. – М.1988.
4. Хигет Г. Чему нас учит будущее? – Сан-Франциско. 1990.

¹ Например, французский фильм «Страх над городом», американский «Семь» и т.д. и т.п.

² Например, «Карты, деньги, два ствола», «Бойцовский клуб», «Достучаться до небес» и т.д.